

Шедяков В.Е.

Всемирная децентрация и тенденции сепаратизма сквозь призму постглобализма

Анализируются общие основания сепаратизма и его особенности в постглобальном состоянии ойкумены. Демонстрируется его связь с процессами всемирной децентрации. Изучаются особенности реактуализации региональной геостратегии.

Ключевые слова: сепаратизм, децентрация, постглобальное состояние политических отношений.

Аналізуються загальні підстави сепаратизму та його особливості в постглобальній стані ойкумени. Демонструється його зв'язок із процесами всесвітньої

децентрації. Вивчаються особливості реактуалізації регіональної геостратегії.

Ключові слова: сепаратизм, децентрація, постглобальний стан політичних відносин.

The general grounds of separatism and its features in the Post-Global condition of ecumene are analysed. Its relationship with the processes of all-world deceneration is demonstrated. The specialities of regional geostrategy's re-actualization are examined.

Key words: separatism, deceneration, Post-Global condition of political relations.

УДК 1.000.165.6

Шедяков В.Е.,
доктор социологических наук,
независимый исследователь

История сепаратистских и контрсепаратистских процессов и действий полна драматизма и противоречий. Сегодня, когда Великобритания уходит из Европейского Союза (и ей пытаются последовать другие страны), а в ней, в свою очередь, усиливаются процессы отделения Шотландии, Ольстера, даже и Лондона, – соотношение тенденций слияния / обособления при усилении черт постглобальности в состоянии международных отношений опять закономерно привлекает внимание теоретиков и практиков. Вместе с тем участники исторических процессов часто предпочитают рядиться в одежды иных веков: так, герои Французской революции отсылали к Древней Греции и Риму, английской – выбирали библейские сюжеты... Однако имитационно-подражательные действия и формы политического устройства при новых исторических вызовах скрывают иное содержание, нежели в оригинально-инновационных моделях, умножая карнавальность происходящего и иррационально-превращённые уровни общественной жизни. Уподобление не всегда замещает создание своего, но часто сковывает историческое творчество, оборачивается не столько краткосрочной «экономией» и лаконичностью отсылок к примеру, сколько долгосрочной деструкцией своего культурно-цивилизационного мира, взрыванием в нём чужеродных элементов. Соответственно, продуктивно изучать сравнительные преимущества и недостатки не только форм, но и подходов, принципов.

Основания и разновидности сепаратизма, характер порождаемых им исторических вызовов изучаются такими исследователями, как В. Дергачёв, Е. Соловьёв, В. Соболев, их специфика на фоне отношений центра и регионов – И. Рассохой, в контексте процессов децентрации – Х. А. фон Хайеком, а тенденций постглобализма – Дж. Куртом.

Рассмотрение сепаратизма как социокультурного явления в среде, создаваемой эпохой постглобализма, – задача статьи.

Сепаратизм имеет объективные и субъективные аспекты. Его наиболее общее основание коренится в отличиях формального государственного деления как от более фундаментальных базовых ценностно-смысловых объединений, так и более гибких актуальных социально-экономических образований [1–3]. Вместе с тем на протяжении истории его силу пытались активно использовать в своих интересах. Подчас сложные конфигурации объективных и субъективных, внутренних и внешних, закономерных и случайных факторов складываются в причудливые повороты трансформаций, сочетания центробежных и центростремительных волн истории. Некоторые из них более изучены (как, например, сепаратистские действия выходцев из Западной Европы после уничтожения исторически исконного населения Северной Америки), другие – менее (наподобие истории Биафры – этнически обособленного богатого нефтью региона Западной Африки). В результате их огромные территории, заселённые белгами, сводятся к сравнительно небольшой Бельгии, а могучая держава Люксембургской династии рождает крохотный Люксембург. Спротивление Бургундии или же Бретони французской унификации не увенчалось успехом, тогда как Порту остался независимым. Племена баварцев вошли в состав более крупного объединения, а Австрия сохранила государственность. Франция и Германия / Австрия попеременно «освобождали» Итальянские государства от влияния друг друга. В Новом свете в Североамериканских штатах местное население безжалостно уничтожалось, тогда как в государствах Южной Америки наряду с этим процессом происходило и слияние пришлого и автохтонного элементов. При этом «...Соединённые Штаты Америки дали миру ... ярчайший пример территориального (то есть внеэтнического) сепаратизма» [4, с. 9].

В существующей исследовательской номенклатурно-терминологической традиции авторы

изучили и классифицировали ряд базовых подходов к проблеме сепаратизма регионов в суверенных независимых государствах: «пассивный», «подавление», «автономизация», «отделение», с особенностями их применения в разных ситуациях. При этом ценностная оценка происходящего в каждом конкретном случае часто отражает политико-идеологическую ориентацию автора. Как известно, в 90-е гг. 20 века представители регионов, лишённых государственности, как и представительства в ООН, создали Организацию Непредставленных Народов, перейдя от связей на двусторонней основе к стратегическим альянсам.

Децентрация культуры, знаний, опыта всегда были важнейшими условиями не только саморегулирования общества, но и его выживания и развития. Однако постглобальное состояние ойкумены с постсовременными моделями жизнеустройства и необходимостью формализации самоидентичности народа превращают этот процесс в важнейшую тенденцию, которая может дополнительно подпитывать тренды сепаратизма [5–7].

В условиях доминирования в ойкумене бинарного противостояния социально-политические силы, выступавшие за единство, получали помощь от одного лагеря, тогда как защищавшие право на самоопределение – другого. После деструкции Организации Варшавского договора и СССР Запад активно фиксировал свою победу как собственно в странах Восточного блока, так и в прочих частях мира: потенциальных конкурентах или же объектах возможной заинтересованности, в том числе при поддержке сепаратистских движений. Западный блок, освоивший империалистические формы капиталистических принципов жизнеустройства на основе плутократии, и Восточный блок, с социалистическими формами воплощения коммунистических принципов идеократии, состязались на всех основных осях достижений. На пространствах СССР сепаратистские движения рядились в разные одежды и скрывались под личинами движений то за «республиканский хозрасчёт и особые условия хозяйствования», то за «национально-культурную автономию» и т.п.

Дополнительный толчок усилению тенденций сепаратизма обеспечила специфическая природа постглобализма, когда на смену современных (в вариантах как империализма, так и социализма) восприятий желательности единообразия и стандарта стало приходить понимание ценности сохранения культурно-цивилизационными мирами своей идентичности, в том числе и для поиска собственной модели и ниши хозяйственного преуспевания. В умном обществе постсовременности каждый делает свой выбор, и никто никому ничем не обязан; принуждение же расценивается как несправедливое и в конечном итоге неэффективное, что значимо отражается на

характере общественных трансформаций и важно для выбора стратегии постмодернизации. При этом полиструктура мирохозяйственных связей как целостность, основанная на выработанных и взаимоприемлемых нормативах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов, приобретает вид формируемой действительности. Исчезает понятие периферийной культуры: они равноценны и равноправны. Соответственно, ни одна система ценностей в постмодерных моделях развития уже не может рассматриваться как единственно возможная для человечества. А когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единой культуры, общепризнанной науки, тогда следует быть терпимым ко всему, признавать право на существование непохожего. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимумы, как солидарность, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Соответственно, необходимо переходить от привычки к навязыванию глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам к ориентации на культивирование собственных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности. Вместе с тем заведомо должны быть исключены стратегии социально-экономического оздоровления, несущие риски уменьшения корзины прав и свобод человека, ухудшения качества жизни широких слоёв или демографических показателей.

Усиление роли отдельных идентичностей и региональной геостратегии – характерная примета постглобальности ойкумены. В частности, постглобальное состояние международных отношений – это использование достижений и возможностей глобализации, интеграции и интернационализации при обособлении культурно-цивилизационных миров (макрорегионов), их борьбе за сохранение самоидентичности и активном противодействии попыткам навязать общие шаблоны. Благодаря развитию, с одной стороны, процессов конкуренции, отторжения, антагонизма, а с другой, – партнёрства и взаимодействия, на основе комплиментарности базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров складываются геостратегические конфигурации.

Постглобализация мира связана с разрушением прежнего миропорядка и созданием нового. В этот период осуществление скачка в геостратегическом позиционировании связано по преимуществу с управлением состоянием хаоса, гибким управлением в «стабильной нестабильности» внутренних и внешних процессов и эффективным стимулированием поведения, событий и процессов [8–10]. Разумеется, сам процесс преобразований может происходить с большими или меньшими

эксцессами. Важно, чтобы он не стал отказом от модерна, контрмодерном, а расширил ресурсно-методологическую базу жизнедеятельности и развития каждого именно при интеграции созидательных потенциалов, в том числе и модерна, и традиции [11–17]. Крайне существенно, чтобы поле социального и индивидуального творчества возрастало, а качество жизни – увеличивалось. И здесь исследователи призывают к воплощению принципов гуманизма: «Ясно одно: ни «борьба с империализмом», ни пресловутая «территориальная целостность», ни даже так называемое «национальное единство» не могут быть оправданием тем потокам человеческой крови, которыми была залита в конце 60-х годов долина африканской реки Нигер и которых могло бы не быть, если бы человеческая жизнь ставилась хоть чуточку выше упомянутых «ценностей» [18, с. 14; см, также, 19–21]. Между тем существуют два мощных приоритета общественного развития и основания для показателей прогресса. Во-первых, жизнь человека, её качество и продолжительность. Во-вторых, достижения цивилизации, культурное наследие. Что касается первого, то это направление фиксируется, прежде всего, корзиной социально-экономических, политических и др. прав человека, его уверенностью в завтрашнем дне, возможностями самореализации и тому подобное. При этом в процессе социогенеза происходит не только трансформация роли элементов и целостности ценностно-смысловых комплексов, но и их обогащение. Так, безотлагательное требование развёртывания начал свободы и плюральности, свойственное постсовременности, входит в число приобретений человечества в его развитии. Вместе с тем из каждого вида модели (традиционной, современной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику, в соответствии как с глубинными пластами своих ценностно-смысловых комплексов, так и с динамикой трансформации. Обеспечение растущего поля доминирования гуманизма, толерантности, политкорректности, права человека на собственное мнение, свободу слова и т.п. выступает насущной задачей стабильного политического и социально-экономического развития, реактуализируя ресурсы децентрации.

Одновременно успех проведения постмодернизации общественных отношений определяющим образом зависит от умения поддерживать баланс интересов, уровней преобразований при сохранении созидательного вектора трансформаций. Когда действительно кардинально изменяются условия, необходимо развиваться всей регулятивной системе, в частности, с освоением всего диапазона использования нормотворческой и регулятивной функций социокультурного капитала. Впрочем, задача нового Sturm und Drang («Бури и

натиска») должна решаться в условиях пересечения ресурсных баз и методологий социально-политических постмодерна, модерна и архаики. Причём для осуществления проектов «рефлексивной модернизации» нужны качественно новые модели участия в глобальной конкуренции, эффективное владение которыми требует более полного использования творческих возможностей людей и соответствующих трансформаций регулятивной системы. Ведь несмотря на определённые дополнительные сложности, воплощение конкретных форм оптимальной реализации социально-экономических и политических интересов общества предполагает широкое применение алгоритмов децентрации сценарного, проектного и вариативного подхода к перспективам развития. Одновременно в условиях инверсионного развития (если не гражданское общество создает государство, а государство обеспечивает функционирование гражданского общества) развитая и структурированная общественность предполагает определённый уровень социальных, экономических и правовых общественных гарантий.

Выводы. На макроуровне социальных отношений всё отчётливее становится тот факт, что полиструктура культурно-цивилизационных миров, основанная на общеприемлемых нормах отношений, а вовсе не блок тождественных атомов-элементов, подогнанных архитекторами событий под подразумеваемую ими цель, – картина действительности. При этом старые лидеры заинтересованы в сохранении социального порядка, деградирующая часть периферии выступает объектом манипулирования, а не субъектом истории. Культурная и историческая разнородность мира возросла. Вырастают новые лидеры. Страны с «закрытыми» социумами не только конкурируют «на равных», но и во многом сами навязывают критерии прогресса. Разница социальных потенциалов скапливается в региональных центрах, в полупериферийной зоне интенсивного диалога, на грани миров; здесь – возможности позитивных мутаций. Уже переформатирование открывает возможность разнообразия комбинаций социальных институтов. Более того, успешное использование особенностей постмодерной культуры удастся скорее организациям и государствам, обрастающим сонмом различных плохо структурируемых, но эффективных образований. Одновременно глобализация европейских норм и институтов происходит в условиях, когда Европа сама меняется коренным образом. При этом стоящие перед человечеством проблемы вовсе не привели к осознанному единству интересов и действий. Реальная культурная и историческая разнородность возросла, а жизнеспособность каждого культурно-цивилизационного мира определяется готовностью отстаивать свою идентичность и

самобытность. Всё активнее заявляет о себе процесс изменений, предусматривающих сосуществование, пересечение и резонирование различных тенденций развития, среди которых на сегодня ни одна не может претендовать на исключительное значение, что позволяет, не испытывая вреда, абстрагироваться от других. Соответственно, характеристика социального капитала всякого общества самого по себе не является полной, а ограничение анализа рассмотрением только его трансформаций не позволяет оценить значение для постсоветских стран «проекта европеизации». Постглобализация же вызывает существенную трансформацию личности (на ментальном, психологическом уровнях), а потому население каждого культурно-цивилизационного мира нуждается в разработке и последовательном осуществлении системы эффективной защиты от тех процессов, которые способны нанести ущерб хозяйственным комплексам и сознанию иных культурно-цивилизационных миров. Таким образом, соборность обеспечивается как обеспечением гармонии интересов социальных групп, так и формированием положительного вектора развития общества, нуждаясь в инфраструктуре и мерах своей защиты.

Проведение последующих научных разведок должно включать изучение компаративного аналитического материала, позволяющего отслеживать разнообразие аспектов подготовки и осуществления постглобальных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Соловьёв Е.А. Сепаратизм и современная международная политика / Е.А. Соловьёв // Бизнес Информ. – 1995. – № 9-10 (133-134). – С. 8–10.
2. Соболев В.М. Современный сепаратизм / В.М. Соболев // Бизнес Информ. – 1995. – № 19-20 (133-134). – С. 10–14.
3. Шедяков В.Е. Постглобальный сепаратизм в контексте задач новой модернизации / В.Е. Шедяков // Economic Development Strategy in Terms of European Integration: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference. – Aleksandras Stulginskis University, Business and Rural Development Management Institute. – Kaunas, Lithuania, May 27, 2016: Baltija Publishing. – P. 45–48.
4. Соловьёв Е.А. Из истории сепаратизма: Соединённые Штаты Америки (начало) / Е.А. Соловьёв // Бизнес Информ. – 1995. – № 21-22 (145-146). – С. 9–10.
5. Шедяков В.Е. Демократичні інститути в контексті завдань збереження розвитку самобутніх народних цінностей / В.Е. Шедяков // Вісник Одеського національного ун-ту. – 2012. – Т. 17. – Вип. 2(16). Соціологія і політичні науки. – С. 26–34.
6. Kurth J. Toward the Postmodern World / J. Kurth // Dialogue. – 1993. – №. 2. – P. 8–13.
7. Шедяков В.Е. Формування нового проекту розвитку суспільства та збереження ідентичності народу, його базових цінностей / В.Е. Шедяков // Політологічний вісник. – 36–к наук. праць: На замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011.– Вип. 54.– С. 221–231.
8. Шедяков В.Е. Постглобальный мир: тенденции сепаратизма и региональная геостратегия / В.Е. Шедяков // Рухес. – 2016. – № 3(3). – С. 79–89. [Электронный ресурс] – Режим доступа : рухис-journal.ru>Рухис-journal_3(3).
9. Шедяков В.Е. Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 50–73.
10. Шедяков В.Е. Від децентрації культури та знань до балансу у владі та управлінні / В.Е. Шедяков // Соціальні та політичні конфігурації модерну: політична влада в Україні та світі : Матер. IV Міжнар. наук.-практ. конф. – Київ, 2015. – С. 316–318.
11. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
12. Arendt H. On Revolution / Hannah Arendt. – N. Y. : Penguin, 1987. – 356 p.
13. Рейнгольд Говард Умная толпа: новая социальная революция / Говард Рейнгольд. – М. : ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
14. Way L. The real causes of the color revolutions / Lucan Way // Journal of Democracy Volume. – 2008. – № 3. – P. 56–69.
15. Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 360 С.
16. Эллюль Ж. Другая революция / Ж. Эллюль // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Прогресс, 1986. – С. 147–152.
17. Межуев Б. Революция – в сторону от Равенства и Свободы / Б. Межуев // Логос [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.logosjournal.ru>.
18. Соловьёв Е.А. Из истории сепаратизма: Биафра / Е.А. Соловьёв // Бизнес Информ. – 1995. – № 13-14 (137-138). – С. 11–14.
19. Шедяков В.Е. Регионы и постмодерн: совместимы ли права человека и национальное возрождение? / В.Е. Шедяков // Интеграция 21 век. – 1996. – № 3. – С. 11–13.
20. Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи / Майкл Хардт, Антонио Негри. – М. : Культурная революция, 2006. – 559 с.
21. Эллюль Ж. Индивид и масса / Ж. Эллюль [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.academia.edu/8758180>.